

Минуло около полуминуты, прежде чем диковинное видение растаяло без следа. Немногие способные видеть скрытое судорожно перевели дыхание, не веря собственным глазам. Взоры практикующих магов устремились на Гангмао с неприкрытой, хищной алчностью. Обычные же люди, ничего не понимая, в недоумении озирались по сторонам — их внезапно поразила перемена, произошедшая с соседями, чья аура в одно мгновение налилась тяжелой, грозной силой.

И пускай профаны не ведали сути случившегося, каждый из них внезапно ощутил небывалую легкость в теле. Накопленная годами сидячей работы усталость, старые хвори и ноющие суставы отпустили разом, бесследно испарившись. Мужчины и женщины почувствовали себя так, словно им снова едва за двадцать — кровь бурлила, возвращая давно забытую жажду жизни и юношеский задор.

«Что же все-таки произошло?..»

Дуань Чжэн, хоть и был самым заурядным обывателем, носил на шее нефритового Будду с Юйсинь — Сердцем Нефрита. Благотворная энергия артефакта позволила ему уловить отголоски чуда. Пусть он не видел картину во всех деталях, общие очертания все же проступили перед его взором, да и обжигающий жар призрачного пламени он почувствовал вполне отчетливо.

Несколько секунд он стоял как громом пораженный, а затем его глаза хищно блеснули.

— Эта печать!.. Нет, Гангмао!!! — выпалил он с горячечным азартом. — Я расшибусь, но заберу его себе!

Чжоу Тун тихо усмехнулся и потянул Толстяка Дуаня назад, усаживая на диван:

— Успокойся и сядь. Нам тут ловить больше нечего.

— Еще чего! — заупрямился тот. — Я просто обязан побороться за этот Гангмао!

Чжоу Тун сочувственно покачал головой:

— Просто наслаждайся зрелищем. Нам его не выкупить.

Дуань Чжэн вытаращил на него глаза, полные немого недоумения.

В зале воцарилась гробовая тишина. Никто не решался проронить ни слова.

Сидящий напротив Чжан Цзюньчу застыл, парализованный увиденным. Он бессильно опустился на кожаный диван, не в силах прийти в себя. Казалось, за эти несколько минут весь его привычный мир рухнул и перевернулся с ног на голову.

Но глубочайшее потрясение вызвал у него вовсе не Персиковый Гангмао. Настоящим ударом стал Чжоу Тун.

Та леденящая, непреклонная мощь, которую тот явил миру, и плотная, почти осязаемая аура, соткавшая вокруг юноши защитный кокон из чистейшей энергии ци, превосходили все мыслимые пределы. Чжан Цзюньчу понимал: ему с его жалкими силами против такого противника не выстоять и секунды.

«Когда... когда Чжоу Тун успел стать настолько могущественным? Был ли это тот самый мягкий, дружелюбный и безобидный парень, которого я знал раньше?»

Был ли Персиковый Гангмао самым ценным из всех семи лотов, судить никто не брался. Обывателей, неспособных узреть божественное явление, в зале сидело большинство, и они пребывали в полнейшем замешательстве относительно истинного назначения безделушки. Однако Чжан Цзюньчу знал правду. Тот Гангмао, что держал в руках Чжоу Тун, превосходил все прочие лоты на голову.

Это был безоговорочный проигрыш.

Устроители аукциона умело воспользовались шумихой и нарочно выставили Персиковый Гангмао первым лотом. Без дешевого пиара не обошлось, но ценители понимали: вещь поистине уникальная.

Как только ведущий объявил стартовую цену, в борьбу вступили всего два-три человека. Но эти немногие устроили такую яростную схватку, что едва не разнесли крышу аукционного дома. Регистратор едва успевал фиксировать взлетающие ставки — за долгие годы службы он впервые видел, чтобы за скромный лот дрались с таким остервенением, взвинчивая цену с обеих сторон зала.

Всего за десять минут торгов планка взлетела до умопомрачительных пяти миллионов юаней.

Дуань Чжэн, лелеявший надежду выступить в роли скрытого магната и эффектно перебить всех в самый последний момент, растерянно хлопал глазами. Он и рта раскрыть не успел, как цифры улетели в стратосферу.

Пять миллионов — сумма нешуточная. Обычно он тратил по паре сотен тысяч на древние безделушки ради забавы, и отец со вторым дядей смотрели на это сквозь пальцы, считая безопасным хобби. Но вывалить пять миллионов за кусок персикового дерева?..

Зная крутой нрав своих старших родственников, можно было не сомневаться в исходе. Одно дело — нефрит или древняя бронза, чья ценность очевидна с первого взгляда. Но отдать целое состояние за деревяшку?

В воображении Дуань Чжэна уже разыгралась живописная картина того, как отец со вторым дядей устраивают ему сеанс семейного парного мордобоя.

И все же... Он бросил тоскливый, полный обожания взгляд на Гангмао. Глаза Толстяка Дуаня буквально прикипели к лоту; в этот миг он горько пожалел, что не владеет миллиардными активами лично.

Чжоу Туну Гангмао тоже пришелся по душе. Однако его собственная энергетика диссонировала с аурой этого артефакта. Держать его при себе было бы бессмысленной растратой сил — раскрыть весь заложенный в дерево потенциал он бы не смог. Именно поэтому он так открыто продемонстрировал его скрытую мощь. Парень твердо верил: истинную пользу приносит лишь то, что подходит тебе безупречно.

На отметке в пять миллионов торги замерли.

Собравшиеся испытывали те же терзания, что и Толстяк Дуань. Богатые дельцы, не понимавшие истинной сути артефакта, не желали разбрасываться миллионами ради деревянной побрякушки. Те же, кто осознавал ее невероятную ценность, попросту не располагали столь внушительным капиталом. В зале повисла напряженная тишина, лица людей исказились от гаммы противоречивых чувств.

Ведущий выжидал, давая участникам время на раздумья, но новых предложений не поступало.

Чжоу Тун заметил, что последнюю ставку сделал тот самый простофиля, который ранее фактически «подарил» ему Благовония Призыва Душ.

«Красивый жест, ничего не скажешь».

Скользнув взглядом по лицу щедрого незнакомца, Чжоу Тун перевел взор на сидящего подле него господина Чжао. Тот как раз смотрел в его сторону, и их глаза на мгновение встретились. Чжоу Тун, несколько не смутившись, спокойно и вежливо улыбнулся, слегка кивнув в знак приветствия.

Собеседник, напротив, не торопился отводить глаза, продолжая бесцеремонно и колюче изучать юношу.

Чжоу Тун хладнокровно отвернулся к трибуне ведущего.

— Пять миллионов... Не перебор ли? — тихо пробормотал побледневший Дуань Чжэн. — Каким

бы могущественным ни был этот Гангмао, он сделан из простого дерева. В конце концов, в мире есть вещи и получше. Да и пробудить скрытую в нем благодать дано далеко не каждому.

— Ты забыл про того человека? — спросил Чжоу Тун.

— Про кого?

— Про покупателя, который держит ставку.

Дуань Чжэн прищурился, вглядываясь вглубь зала, и вдруг с размаху шлепнул себя по бедру:

— Да это же наш старый знакомый простофиля!

— Именно, — задумчиво протянул Чжоу Тун. — Тебе не кажется странным, что он спускает колоссальные суммы на древности, причем исключительно на те, что дышат духовной силой?

Дуань Чжэн захлопал ресницами: разговор опять ушел в дебри, в которых он ничего не смыслил.

На пяти миллионах заминка затянулась, и ведущий уже готов был ударить молотком.

Но тут взметнулась табличка, и бесстрастный голос озвучил новую ставку:

— Шесть миллионов юаней!

Зал мгновенно взорвался гулом удивленных голосов. Все как один повернули головы, пытаясь разглядеть смельчака.

Однако упрямым покупателем оказался невзрачный мужчина в строгом темном костюме и солнцезащитных очках — судя по всему, обычный телохранитель, выполняющий чье-то поручение.

Шесть миллионов.

Сделка, казавшаяся решенным делом, вновь сорвалась, взлетев на немыслимую высоту. Чжоу Тун подался вперед, в его глазах вспыхнул живой азарт.

«А это становится интересным».

Он затаил дыхание, предвкушая ответную реакцию щедрого простофили.

Тот не разочаровал. Верный своему амплуа, он без колебаний накинул еще миллион сверху, едва прозвучала ставка конкурента.

Но оппонент в очках среагировал мгновенно, безжалостно подняв планку до восьми миллионов.

Схватка пошла не на жизнь, а на смерть. Ставки мелькали одна за другой, пока окончательная цифра не застыла на круглой отметке — десять миллионов.

На этом рубеже простофиля наконец исчерпал лимит терпения — или средств — и признал поражение, угрюмо замолчав.

Зрители, давно превратившиеся в безмолвных статистов, сидели с разинутыми ртами. Те же, кто сохранил остатки самообладания, принялись лихорадочно строчить сообщения своим экспертам, требуя немедленно разузнать все о происхождении этого Персикового Гангмао. В их умах поселился панический страх: а вдруг они только что упустили сокровище стоимостью в добрую сотню миллионов?

Чжоу Тун и сам изрядно удивился такому исходу. Артефакт был превосходен, но использовать его для усмирения нечисти под силу далеко не каждому. С точки зрения здравого смысла, кусок дерева никак не мог стоить подобных денег; даже восемь миллионов казались безумной щедростью, не говоря уже о десяти. Похоже, торгующиеся просто остервенели от азарта.

Чжоу Тун мысленно поддразнил Тень в бронзовом наконечнике алебарды:

«Гляди-ка, ты ценишься дешевле, чем деревянный Гангмао».

Лин Юань промолчал, ответив ледяным презрением.

Толстяк Дуань пребывал в глубоком шоке. Круглые щеки на его побледневшем лице испуганно затряслись:

— Да что это за бред?! Десять миллионов за деревяшку?! Мир окончательно сошел с ума!

Чжоу Тун хмыкнул:

— Пути богачей неисповедимы.

Потерпевший фиаско простофиля больше не поднимал табличку — очевидно, десять миллионов выходили за рамки его финансовых возможностей.

Чжоу Тун надеялся на еще один неожиданный поворот сюжета, однако чуда не случилось: ведущий трижды ударил молотком, зафиксировав рекордную сделку.

Сладко потянувшись, Чжоу Тун откинулся на мягкую спинку дивана и сделал неторопливый глоток чая:

— Дальше будет скучно. Жаль, конечно, остальные лоты, хорошего куша их владельцам не видать. Зато у нас появился отличный шанс поохотиться за бесценок.

— Поохотиться? — Дуань Чжэн мгновенно оживился. — Мне очень приглянулась та Печать Усмирения Варваров, о которой трепался Чжан Цзюньчу. Как думаешь, Сяо Тун, стоит за нее побороться?

— Эту дешевку? — Чжоу Тун иронично приподнял бровь. — Изначально печать действительно обладала внушительной силой, но после того как у нее отломилась рукоять, бывшая мощь сошла на нет. А когда ее безмозглые владельцы решили прикрыть дефект оправой из белого тьяньхуана, они окончательно загубили реликвию. Энергия внутри застоялась и иссякла. Сейчас это просто груда бесполезного хлама. Мне такая даром не нужна.

На лице Дуань Чжэна отразилось разочарование. Немного помявшись, он спросил с заискивающей улыбкой:

— Ну... тогда на какую нам нацелиться?

— Вот на ту, — Чжоу Тун указал на неприметную печать в каталоге. — На первый взгляд в ней нет ничего выдающегося, но ее внутренняя сила глубока и гармонична. А главное, ее энергетика идеально созвучна твоей собственной ауре.

Дуань Чжэн преданно закивал:

— Договорились!

Сам Чжоу Тун тоже присмотрел скромную печать, планируя использовать ее для усиления Грозы на Ладони. Но не успели торги возобновиться, как в дверь их ложи деликатно постучали. Коридорный распахнул створку, и на пороге возник тот самый обладатель темных очков, что только что отдал целое состояние за Персиковый Гангмао.

Мужчина вошел в комнату и, вежливо склонив голову, спросил:

— Могу я видеть Небесного наставника Чжоу Туна?

Чжоу Тун слегка опешил, но вежливо поднялся с места:

— Здравствуйте. Меня зовут Чжоу Тун, однако титул Небесного наставника — явное преувеличение.

Посланник, хотя и знал заранее, что имеет дело с юношей, все же не ожидал увидеть столь дружелюбного и простого в общении человека. Помня строгие наставления своего нанимателя, он почтительно поклонился и протянул Чжоу Туну изящную шкатулку.

— Что это? — Чжоу Тун озадаченно нахмурился, не спеша принимать подношение.

— Подарок от моего господина, — ровным тоном ответил мужчина.

— И кто же ваш господин?

— Господин Янь Ци.

Чжоу Тун лишился дара речи.

Толстяк Дуань выпучил глаза.

— Твою мать... — потрясенно выдохнул он. — Это шутка такая?!

Даже выдавший виды Чжоу Тун засомневался:

— Вы уверены, что не перепутали адресата?

Бизнесмен Янь Ци был богатейшим человеком в городе А. В его руках сходились нити бесчисленных предприятий — легальных и теневых, явных и скрытых. Он запускал пальцы в любую сферу, способную приносить доход, но главными столпами его империи оставались золотодобыча и недвижимость. Самые элитные жилые комплексы города, где каждый квадратный метр стоил как слиток золота, строились исключительно его холдингом.

С чего вдруг столь могущественной персоне одаривать безвестного Чжоу Туна?

Мужчина в очках остался невозмутим:

— Ложа «Чжэньцуй». Получатель — Чжоу Тун, уроженец здешних мест, выпускник историко-археологического факультета Университета N. Ваша семья владеет лавкой геомантии «Павильон Восьми Сокровищ»...

— Достаточно, — мягко прервал его Чжоу Тун, утомленный этой подробной анкетой. — Я понял.

Приняв из рук телохранителя шкатулку, он плавно откинул крышку.

В ложе вновь повисла мертвая тишина.

Чжоу Тун застыл на месте.

Глаза Толстяка Дуаня едва не выскочили из орбит. Он издал нечленораздельный вопль:

— Мать твою за ногу!.. Я что, сплю?! Это же тот самый Персиковый Гангмао?! За который только что отвалили десять миллионов?!

Чжоу Тун бережно прикрыл ладонью шкатулку и посмотрел посланнику прямо в глаза:

— Какая именно помощь требуется вашему господину?

— С умными людьми приятно иметь дело, господин Чжоу, — почтительно кивнул мужчина в очках. — Прошу вас следовать за мной.

— Сяо Тун... — испуганно прошептал Дуань Чжэн, хватая друга за рукав.

Чжоу Тун успокаивающе потрепал его по плечу:

— Все в порядке. Пойдем побеседуем.

— Если господин Дуань беспокоится, он может составить нам компанию, — вежливо добавил провожатый, отступая к выходу.

Толстяк Дуань торопливо закивал и пристроился следом, стараясь не отставать ни на шаг.

Телохранитель провел их по извилистым коридорам и распахнул двери просторной, богато обставленной VIP-комнаты отдыха. В глубине просторного помещения, в глубоком кожаном кресле, восседал седовласый старец. Его белые волосы и аккуратная борода серебрились под мягким светом ламп, а взгляд оставался пугающе острым и ясным. И все же сквозь эту показную твердость проступали следы глубокого, изнуряющего утомления, сковавшего его немолодое тело.